

возражая на критику «Москвитянина» (Ап. Григорьева), «что пародии Нового Поэта на гг. Огарева и Фета» свидетельствовали «только о грубости вкуса пародировавшего» (Москвитянин. 1851. № 5. С. 83), Панаев ответил, что Новый Поэт «очень уважает таланты» этих поэтов, но у них «есть слабые стороны», а «у г. Фета есть даже и такие стихотворения, которые просто не имеют смысла. *Новый Поэт* берется доказать это», и далее с иронией, «но он никогда не писал и не будет писать пародии на такие стихотворения г. Фета, как, например, следующее:

Спи. Еще зарею
Холодно и рано,
Звезды за горою
Блещут сквозь тумана, и проч.» —

поскольку в нем «он находит истинную поэзию»,⁵² в очередном обзоре «Современника» Григорьев возразил Панаеву, завязалась перекрестная полемика и т. д.⁵³ В дальнейшем пародийная маска Нового Поэта стала образцом и предварила целую вереницу пародистов конца 1850-х — 1870-х годов, для которых Фет стал «добычей» на долгие годы.

Подведем итог. Стихотворные пародии Нового Поэта (Панаева) возникли и функционировали в «Современнике» (1847–1856) как особый жанр литературной критики, эмоционально (комически) ориентированный на широкий круг читателей. Идеологические установки при этом соседствовали с коммерческими целями — привлечением наибольшего числа подписчиков. Поэзия Фета, принципиально чуждая направлению журнала, по существу, с самого его начала подвергалась пародийному переосмыслению, вольно или невольно предопределяя в сознании читателя неоднозначное восприятие литературной личности Фета. Однако подлинная поэзия, обладая высокой степенью «сопротивления материала», оказалась способной «выдержать испытание смехом и постоять за себя».⁵⁴

⁵² Несколько слов от Нового Поэта // Современник. 1851. № 4. Отд. VI. С. 224.

⁵³ Подробнее о полемике см.: «Современник» против «Москвитянина». С. 637–638.

⁵⁴ Новиков В. Л. Книга о пародии. М., 1989. С. 288.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-31-44

© В. А. ЛУКИНА

А. А. ФЕТ И Е. В. НОВОСИЛЬЦЕВА В РАБОТЕ НАД ПЕРЕВОДАМИ ИЗ БЕРАНЖЕ

Из обширного наследия французского поэта-песенника Пьера-Жана де Беранже Фет перевел лишь одно стихотворение — «Adieu» («France, je meurs, je meurs; tout me l'annonce...»)¹. Примечательно, что обратиться к этому тексту его побудил совет Л. Н. Толстого, о чем сам поэт упомянул в письме к своему шуруину В. П. Боткину от 28–29 ноября 1857 года: «Читал ли ты предсмертное стихотворение Беранже. Прелесть! Мне его дал Толстой, и я его

¹ См.: Генералова Н. П. Беранже <Комментарии> // Фет А. А. Соч. и письма: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2. С. 633.

перевел». ² Не исключено, что с текстом «Adieu» Толстой познакомил Фета во время встречи в Москве в октябре или первой половине ноября 1857 года. Это могло произойти, например, 21 октября, когда Толстой обедал у Фетов в доме Сердобинской на Малой Полянке, ³ или же после возвращения Толстого из Петербурга в Москву, состоявшегося в конце октября: известно, что 10 ноября Толстой заезжал к Фету, а на следующий день уже поэт обедал у Толстых, где читал свой перевод «Антония и Клеопатры» Шекспира и, по признанию писателя, разговором «разжег» его к искусству. ⁴

При активном содействии Толстого перевод Фета под заглавием «Предсмертное стихотворение Беранже» («О Франция, мой час настал, я умираю...») был опубликован на страницах январской книжки журнала «Современник» за 1858 год. ⁵ «Посылаю еще вам стихотворение Беранже, посмертное, переведенное Фетом, — писал по этому поводу Толстой Н. А. Некрасову 25 ноября 1857 года. — И перевод хорош, а само стихотворение по мне прелестно». И прибавлял далее: «Оно пропущено в французских журналах, <может> быть, пройдет и по-рус<ски>». ⁶

Действительно, впервые стихотворение «Adieu» было напечатано в томике «Dernières chansons de P.-J. de Béranger» («Последние песни П.-Ж. де Беранже»), ⁷ вышедшем в Париже буквально накануне — 3 ноября н. ст. 1857 года (после смерти поэта, последовавшей 16 июля н. ст. того же года), где оно символически завершало сборник. По-видимому, в скором времени новое издание Беранже было приобретено и Толстым, так как сохранилось в его библиотеке. ⁸ Однако еще до фактического выхода в свет «Последних песен», широко анонсировавшихся во французской прессе на протяжении трех предшествовавших месяцев, несколько не публиковавшихся ранее стихотворений, с разрешения издателя и душеприказчика поэта Шарля-Артура Перротена (Perrotin; 1796–1865), появились в печати. Так, 1 ноября н. ст. 1857 года парижская газета «La Presse» поместила посвященную этому изданию пространную статью Жюльена Лемера (Lemer; 1815–1893), где в том числе приводилось целиком стихотворение «Adieu» — это, по словам рецензента, «прощание с Францией, которое, кажется, было самой последней мыслью умирающего поэта. Эти три возвышенные строфы будут повсюду прочитаны с волнением». «Невозможно более прекрасными стихами завершить более прекрасную жизнь!» — восторженно заключал Лемер свою статью. ⁹ Не исключено, что по публикации в «La Presse» стихотворение впервые стало известно Толстому.

² Переписка с В. П. Боткиным. 1857–1869 / Вступ. статья, публ. и комм. Ю. П. Благоволиной // Лит. наследство. 2008. Т. 103. Кн. 1. С. 238.

³ К этому времени (т. е. ко 2 ноября н. ст. 1857 года) номер «La Presse», где был опубликован французский текст стихотворения (см. ниже, прим. 9), гипотетически мог попасть в распоряжение Толстого, поскольку парижские газеты выходили накануне. Ночным поездом писатель в тот же день (21 октября) отправился в Петербург (см.: Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828–1890. М., 1958. С. 169).

⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1937. Т. 47. С. 162, 163.

⁵ Современник. 1858. № 1. Отд. 1. С. 38; под заглавием «Последняя песня» стихотворение вошло во второй том сборника 1863 года: Фет А. А. Соч. и письма. Т. 2. С. 634.

⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 60. С. 238. Высоко оценил перевод и взыскательный критик И. С. Тургенев, на чей суд Фет по обыкновению также послал стихотворение: «Перевод Ваш из Беранже очень мил. Бороться с ним довольно трудно; благословляю Вас на борьбу гораздо труднейшую — а именно с Шекспиром» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 3. С. 287; письмо от 28 декабря 1857 года (9 января 1858 года)).

⁷ Dernières chansons de P.-J. de Béranger de 1834 à 1851 / Avec une lettre et une préface de l'auteur. Paris, 1857. P. 371–372.

⁸ См.: Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. М., 1999. Т. 3: Книги на иностранных языках. Ч. 1: А–L / Сост. Г. В. Алексеева и др. С. 101.

⁹ Lemer J. Dernières chansons de Béranger // La Presse. 1857. 1 novembre. P. 3. Перевод наш. — В. Л.

Именно Толстой сразу же подметил «две ужасные опечатки», вкравшиеся в журнальный текст перевода Фета, и с огорчением упрекнул за них Некрасова. «...О защитите, вместо *защити же* и с улыбкой, вместо с *усильем*»,¹⁰ — отметил он в письме от 21 января 1858 года. Речь шла об опечатках в стихах 18 и 23, особенно неприятной была последняя, существенно искажавшая смысл стиха, который в «Современнике» прозвучал: «Свой камень гробовой с *улыбкой* поднимаю...» вместо «Свой камень гробовой с *усильем* поднимаю...».¹¹ В солдатенковском издании Фет выправил оба указанных стиха,¹² тем не менее на протяжении последующих лет в сборниках переводов из Беранже стихотворение продолжало перепечатываться по «Современнику», в том же неисправном виде.¹³

Интерес Толстого к французскому поэту, как неоднократно отмечалось, не был мимолетным¹⁴ — свое увлечение он сохранил на всю жизнь, «много знал на память его стихотворений и любил их декламировать даже в годы старости».¹⁵ Характерно, что строки знаменитого песенника фигурируют уже в ранних редакциях повести «Детство», при этом на разных этапах работы Толстой рассматривал возможность включения нескольких эпитафий из Беранже к отдельным главам.¹⁶ Во второй редакции повести в главе XXI (XX по первоначальной и окончательной нумерации) находим эпитафию из стихотворения «*Qu'elle est jolie!*» («Как она красива!»), снятый при первой публикации, причем Толстой приводит стихи (скорее всего, по памяти) с незначительным отклонением от известного печатного текста: «*Bon Dieu, combien elle est jolie, / Et moi je suis, je suis si laid <...> <Боже мой, как она красива, / А я, я так дурен <...> (фр.)>*»¹⁷ вместо «*Grands dieux!..*».¹⁸ В первой журнальной публикации¹⁹ встречаем эпитафию к главе VIII из стихотворения «*Les feux follets*» («Блуждающие

¹⁰ В изд.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 60. С. 252 — ошибочно напечатано: «*защитите же*» вместо «*защити же*». Опечатка исправлена по смыслу и по первой публикации: Архив села Карабахи: Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. М., 1916. С. 197.

¹¹ Курсив наш. — В. Л. Хотя в письме от 18 декабря 1857 года Некрасов известил Фета, что перевод из Беранже набран (см.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1999. Т. 14. Кн. 2. С. 100), корректура, очевидно, ему выслана не была.

¹² См.: Фет А. А. Стихотворения: [В 2 ч.]. М., 1863. Ч. 2. С. 364.

¹³ См., например: Беранже в переводе русских писателей. М., 1860. С. 130–132; Песни Беранже в переводе многих писателей и куплеты из «Прекрасной Елены». СПб., 1869. С. 83–84, и в ряде других аналогичных сборников.

¹⁴ См.: Старицына З. А. Беранже в России. М., 1969. С. 161, а также главу «Беранже в восприятии Л. Н. Толстого» в ее книге: Беранже в русской литературе. М., 1980. С. 133–141. Следует отметить, что данное издание не лишено некоторых досадных ошибок: в частности, в корне неверным является утверждение о том, что «Современник» напечатал перевод Фета из Беранже «с изъятым цензурой куплетом», где «говорится, что французская революция распространила по всему миру идеи равенства и свободы» (Там же. С. 136, 137).

¹⁵ Чистякова М. Лев Толстой и Франция // Лит. наследство. 1937. Т. 31. С. 988. Правда, утверждение исследовательницы о том, что Толстой «вывез» увлечение поэзией Беранже «из парижских народных клубов», представляется преувеличением, поскольку интерес к французскому песеннику прослеживается гораздо раньше — в период создания «Детства», а также во время службы. Упоминание о чтении Беранже, например, в Бухаресте содержится в Дневнике Толстого за 1854 год (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 47. С. 4).

¹⁶ Беранже — единственный поэт, к которому Толстой обращается при выборе эпитафии в «Детстве». Из двух других известных эпитафий один был взят из «Сентиментального путешествия» Л. Стерна (не вошел в печатный текст, как и глава, которую он открывал, — возможно, по цензурным соображениям), а второй представлял собой девиз ордена Подвязки (см.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. Художественные произведения: В 18 т. М., 2000. Т. 1. С. 416).

¹⁷ См.: Там же. Редакции и варианты художественных произведений: В 17 т. Т. 1 (19). С. 202. Эти же строки цитирует герой в самом тексте главы уже в первой редакции повести, прибавляя: «Я привожу эти два стиха из песни Беранже, потому что, при первом взгляде на нее, мне пришлось в голову именно это грустное сравнение» (Там же. С. 91).

¹⁸ См., например: Œuvres complètes de P.-J. de Béranger. Paris, 1837. Т. 1. P. 344; то же во всех других известных нам прижизненных изданиях.

¹⁹ Современник. 1852. № 9. Отд. 1. С. 29.

огни»), и вновь текст не совпадает с каноническим: «Oh, rendez moi mon ignorance! / Follets, dansez, dansez, dansez <О, верните мне мое неведение! / Блуждающие огни, танцуйте, танцуйте, танцуйте>»²⁰ вместо «J'ai perdu ma douce ignorance».²¹ Вопрос об истоках указанных разночтений, как кажется, ранее не поднимался и нуждается в дальнейшем изучении. В поздние годы именно «Les feux follets» Толстой приводил в качестве примера «очень поэтичных» вещей у Беранже, отсылая к этой песне как к стихотворению, в котором Беранже «жалеет, что у него нет младенческого суеверия»²² (то есть к тем же строкам, что были процитированы им ранее в «Детстве»).

Во время первого заграничного путешествия в 1857 году Толстой в Париже с увлечением погрузился в атмосферу народных клубов, где распевали песенки Беранже. Позднее он даже называл Беранже своим любимым французским поэтом,²³ отмечая, что ценит его «за даровитость»: «Ничего безнравственного у него нет. Склад народный, благородный, нравственный и бодрый».²⁴

В переписке Толстого и Фета имя Беранже всплывает не однажды. Так, в письме от 17 ноября 1870 года Толстой пытается убедить поэта перевести еще одно из понравившихся ему стихотворений: «Попался мне на днях Béranger последний том. И я нашел там новое для меня „Le bonheur“. Я надеюсь, что вы его переведете».²⁵ На самом деле «Le bonheur» не было для Толстого совсем уж «новым»: первую строчку из него он цитировал в письме к В. П. Боткину еще в 1857 году, во время пребывания за границей: «Нет, нет и грустно, все куда-то тянет, чего-то хочется. Как песенка Béranger есть: „Le bonheur“ — „Le vois-tu bien là bas, là bas!“».²⁶

Несколько лет спустя, в апреле 1876 года, вскоре после выхода номера «Русского вестника» с пятой частью романа «Анна Каренина», где описано умирание и смерть брата Левина Николая и отношение Левина к этому событию, Толстой писал Фету: «Вы больны и думаете о смерти, а я здоров и не перестаю думать о том же и готовиться к ней. Посмотрим, кто прежде. Но мне вдруг из разных незаметных данных ясна стала ваша глубоко родственная мне натура — душа (особенно по отношению к смерти), что я вдруг оценил наши отношения и стал гораздо больше, чем прежде, дорожить ими». Размышляя о смерти, Толстой вспоминает строки из еще одной (ранней) песни Беранже — «Ave, mes joyeux frères...» (1809), относящейся к тем годам его поэтической деятельности, когда он совместно со своим другом Кенекурром основал кружок «Couvent des Sans-Souci» («Монастырь беззаботных»):

Mourir vient de soi-même.²⁷
N'en ayons point souci.
Bien vivre est le problème
Qu'il faut résoudre ici.

²⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. Т. 1 (19). С. 233 (с опечаткой: vendez вместо rendez). В отдельном издании 1856 года эпиграф был также снят.

²¹ Œuvres complètes de P.-J. de Béranger. Paris, 1839. Т. 3. Р. 77; то же во всех других известных нам прижизненных изданиях.

²² У Толстого. 1904–1910. «Яснополяские записки» Д. П. Маковицкого // Лит. наследство. 1979. Т. 90. Кн. 2. С. 62–63.

²³ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959. С. 294.

²⁴ У Толстого. Кн. 4. С. 45 (запись от 15 августа 1909 года).

²⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 61. С. 240. Le bonheur — счастье (фр.).

²⁶ Там же. Т. 60. С. 196. В переводе В. Е. Чехихина-Ветринского: «Смотри, вон счастье там, вдали, / Туда, за ним!..» (Чехихин-Ветринский В. Лев Толстой и Беранже // Вестник литературы. 1922. № 1 (37). С. 20).

²⁷ Данный стих приведен Толстым с небольшим разночтением от подлинника. У Беранже: «Mourir va de soi-même».

«И даже иначе нельзя, — прибавлял Толстой далее. — Я многое, что я думал, старался выразить в последней главе (глава XIX «Смерть». — В. Л.) апрельской книжки „Р<усского> в<естника>“». ²⁸ Вместе с русским переводом весь второй куплет (октава) из этой песни Беранже (со слов «Laissons dire à la Trarre»), куда входит и приведенное в письме к Фету (второе) четверостишие, внесен неизвестной рукой в записную книжку Толстого под датой 21 октября 1858 года:

Предоставим монахам говорить:
«Братья, надо умирать».
Когда судьба наносит нам удары,
Научимся весело страдать.
Смерть придет сама,
Это не наша забота.
Хорошо прожить — вот задача,
Которую надо здесь решить. ²⁹

Впервые стихотворение «Ave, mes joyeux frères...» было напечатано лишь в 1857 году, в опубликованной посмертно «Ma biographie» («Моей биографии») Беранже. ³⁰ В яснополянской библиотеке эта книга не сохранилась, как, впрочем, и томик из Собрания сочинений поэта, упомянутый в вышеприведенном письме к Фету от 17 ноября 1870 года.

Сложно определить, каким изданием Беранже пользовался Толстой, несмотря на то, что на этот счет высказывались разные предположения. Так, в комментариях к письму С. А. Розанова утверждает (со ссылкой на «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого), что «в библиотеке Толстого имелось изд.: *Béranger Pierre Jean. Œuvres complètes. V. 1–4. P<aris>, 1856–1860*» и что «Le bonheur» «вошло в состав четвертого тома, содержавшего посмертные сочинения поэта». «Впоследствии Толстой это собрание стихотворений Беранже отдал М. С. Сухотину, — добавляет она далее, — и оно не сохранилось». ³¹ Известно, однако, что «Le bonheur» включалось Беранже во все основные прижизненные собрания начиная с 1828 года. Кроме того, названная исследовательницей книга не зафиксирована в наиболее авторитетной библиографии прижизненных изданий Беранже, учитывающей большую часть даже контрафактной продукции. ³² К тому же, с 1847 года и до смерти Беранже в 1857 году не было выпущено ни одного нового авторизованного многотомного собрания песен. ³³

Авторы комментариев к самим «Яснополянским запискам» (О. А. Голиненко и И. А. Покровская) предположительно указывают уже на совсем другое издание: «*Œuvres complètes. Vol. I–IV. P<aris>, 1868–1878*». ³⁴ Вероятно,

²⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 62. С. 272. В образе Левина, как отмечено Н. К. Гудзием, Толстой «отразил особенности своего характера, свое мировоззрение и свои религиозные и философские тревоги» (Там же. Т. 20. С. 640).

²⁹ Там же. Т. 48. С. 77, 487; причем в записную книжку французский текст внесен без разноточий с изданием 1857 года.

³⁰ *Ma biographie, ouvrage posthume de P.-J. de Béranger. Paris, 1857. P. 107–108.*

³¹ См.: Л. Н. Толстой: Переписка с русскими писателями: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 406 (прим. 5 к письму 257).

³² *Briouis J. Bibliographie de l'œuvre de P.-J. de Béranger contenant la description de toutes les éditions, l'indication d'un grand nombre de contrefaçons, de classement des suites de gravures, vignettes, etc., etc. Paris, 1876.*

³³ *Ibid.* P. 79. Впрочем, Беранже издавался настолько массово, что нельзя исключить существования и неучтенного Ж. Бривуа контрафактного четырехтомного собрания, вышедшего в 1856–1860 годах.

³⁴ У Толстого. Кн. 2. С. 617.

эта гипотеза основывается в том числе на упомянутом письме к Фету, где Толстой говорит о «последнем» (т. е. последнем из вышедших к моменту написания письма) томе Беранже. И все же представляется, что речь шла о более раннем издании, которое могло быть в распоряжении писателя уже в пору работы над «Детством». Сам Толстой, по словам Маковицкого, упомянул о том, что в его библиотеке «есть два тома из четырех, с маленькими картинками. Мне тогда очень нравились».³⁵ Из официальных (авторизованных) изданий больше всего такая характеристика подошла бы к четырехтомному изданию 1834 года: *Oeuvres complètes de P.-J. de Béranger. Edition unique revue par l'auteur, ornée de 104 vignettes en taille-douce, dessinées par les peintres les plus célèbres. Paris, 1834*,³⁶ — где гравюры, действительно небольшого размера, заключены в медальоны, однако с окончательной уверенностью утверждать это невозможно.

Несмотря на то, что от предложения Толстого перевести «Le bonheur» Фет уклонился, поэту поневоле все же пришлось еще раз выступить в качестве переводчика французского песенника. Произошло это, когда в августе 1861 года его хорошая знакомая, писательница Софья Владимировна Энгельгардт (урожд. Новосильцева; 1828–1894) отправила ему «на суд» «целую вязанку стихов», которые оказались переводами из Беранже, выполненными ее старшей сестрой Екатериной Владимировной Новосильцевой (1820–1885),³⁷ только-только начавшей пробовать свои силы на литературном поприще и под псевдонимом Т. Толычева дебютировавшей в газете «Русская речь» со статьей «Шеридан и его время» (1861. 29 июня — 9 июля. № 52–55).

«Видите, в чем дело, — писала 28 августа 1861 года Фету С. В. Энгельгардт, — сестра моя переводит Béranger, и ей не с кем посоветоваться; в этом случае, вы знаете, трудно выбрать советчика». Сетую на московскую публику, восхищающуюся «позорными переводами» В. С. Курочкина, выпустившего уже «второе издание»³⁸ «Песен Беранже», она добавляла: «...те, у которых есть крест на груди, им не восхищаются, но все-таки не могут, как вы, указать на недостатки стихотворения, а только сбивают с толку; каждый скажет свое мнение, и мнения расходятся, потому и нельзя их принять в расчет. Я уверила сестру, что вы будете так добры прочесть ее перевод и скажете *не обинуясь*, что о нем думаете. Ради Бога, прочтите это слово à la lettre, у сестры моей вовсе нет ложного литературного самолюбия. Если вы похвалите перевод, она будет очень рада и займется новыми стихотворениями; если не похвалите, она переправит и, во всяком случае, поблагодарит вас».³⁹ Решение Е. В. Новосильцевой попробовать свои силы на литературной стезе было отчасти вынужденным и продиктованным финансовыми затруднениями,⁴⁰ о чем Энгельгардт с грустью сообщала М. П. Фет 17 августа 1861 года: «Теперь мы принуждены жить в Москве и найдем средство жить, делать нечего. Сестра тоже принялась писать журнальные статьи, и я пишу. Конечно, нелегко думать, что принужден напечатать пло-

³⁵ Там же. С. 63 (запись от 26 февраля 1906 года).

³⁶ См. о нем: *Brivois J. Bibliographie de l'œuvre de P.-J. de Béranger... P. 44.*

³⁷ См. о ней: *Острейковская Н. В. Творчество Е. В. Новосильцевой в литературно-общественном контексте 1860–1880-х годов. Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2010.*

³⁸ На самом деле в 1859 году вышло уже третье (исправленное и дополненное) издание «Песен Беранже» в переводе Курочкина; первые два вышли в 1858 году.

³⁹ Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. Ч. 1 (1858–1873) / Публ. Н. П. Генераловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 63–64. *A la lettre* — буквально (фр.).

⁴⁰ Намеки на это звучат и в дальнейших письмах к Фету: Там же. С. 67, 99 и др. См. об этом также: *Острейковская Н. В. Творчество Е. В. Новосильцевой... С. 9–10.*

хую повесть потому только, что деньги нужны, — но опять-таки — что же делать!»⁴¹

К своему письму Энгельгардт приложила записанные рукой сестры французские тексты трех стихотворений Беранже — «Jacques», «Le vieux vagabond» и «Plus de vers» (впервые напечатанное в 1857 году, в изданных посмертно «Dernières chansons»), а также их переводы. Из последних в архиве Фета сохранились лишь два — «Жак» и «Старый бродяга».⁴² Кроме того, уцелела копия (рукой Новосильцевой) отправленного с тем же письмом перевода «Le vieux vagabond», выполненного Курочкиным (под заглавием «Старый нищий»)⁴³. Посылая его вместе с переводами сестры, Энгельгардт эмоционально замечала по этому поводу словами Лермонтова: «Это: „было бы смешно, когда бы не было так грустно“ — второе издание!»⁴⁴

Несколько дней спустя Энгельгардт выслала поэту вдогонку новую редакцию одного из переводов сестры со следующим пояснением: «Я послала вам ошибкой черновое стихотворение, вот оно переправленное, и мне кажется, что оно очень мило. Скажите, как вы находите? И будьте так добры, переправьте, если этот труд вам не надоест».⁴⁵ Как говорилось выше, в бумагах поэта имеются всего два перевода из четырех, поэтому можно лишь догадываться, какой текст был послан ему дважды. Предположительно им стал тот самый исчезнувший (или отправленный обратно с правкой) перевод «Plus de vers» («Non, plus de vers, quelqu'amour qui m'anime...») — именно об этом стихотворении Беранже можно сказать, что «оно очень мило». На внесенную вскоре после отправки черновой редакции правку намекает и письмо Новосильцевой к Фету от 23 сентября 1861 года, о котором пойдет речь далее.

Как бы то ни было, ответные письма Фета, касающиеся переводов из Беранже, в настоящее время неизвестны,⁴⁶ тем не менее не вызывает сомнения, что он живо откликнулся на просьбу начинающей переводчицы и внес значительную редакторскую правку во все три присланных стихотворения, хотя и с явным неодобрением отнесся к выбору Беранже для перевода. Уже 24 сентября 1861 года Энгельгардт выражала признательность поэту «за отличные и добросовестные переправки»: «Сестра моя хотела сама благодарить вас, милый мой Фет, за ваши замечания и поправки в ее переводах». И тут же запальчиво вступала в спор, откликаясь на не столь восторженную оценку творчества французского песенника, прозвучавшую в письме Фета, равнодушно относившегося к его политическим и сатирическим стихам: «Почему же это вы не поклонник Беранже? Неужели его стихотворения „Jeanne la Rousse“, „Vous vieillerez, o ma belle maîtresse“, „Le pauvre Jacques“⁴⁷ не исполнены очаровательной простоты и прелести? И какая личность! К несчастью, так редко случается, что личность поэта или великого писателя соответствует его

⁴¹ ИРЛИ. № 20322. Л. 3. Именно это письмо, по-видимому, упоминает Энгельгардт, когда обращается к поэту с просьбой просмотреть переводы сестры из Беранже: «Милый мой Фет, недавно я писала к вашей жене, — а сегодня пишу к вам, да еще обращаюсь с просьбой» (Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. С. 63).

⁴² ИРЛИ. № 20298. Л. 21–24, 26–29 об.

⁴³ Там же. Л. 25–25 об.

⁴⁴ Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. С. 64.

⁴⁵ Там же. С. 66 (письмо от 2 сентября 1861 года).

⁴⁶ Сохранившиеся письма Фета к Энгельгардт см.: Из переписки Фета с С. В. Энгельгардт (1860–1891) / Публ. Н. П. Генераловой // А. А. Фет: Материалы и исследования. СПб., 2020. Вып. 4 (в печати).

⁴⁷ Речь идет о стихотворениях «Рыжая Жанна», «La bonne vieille» (в пер. В. Г. Теплякова «Моя старушка» («Придет пора — твой май отзеленеет...»)); в пер. В. С. Курочкина «Старушка» («Ты отцветешь, подружка дорогая...»)) и том самом «Жак» (которого Энгельгардт называет «Бедным Жаком»), переведенном Новосильцевой.

произведениям: вот вас я так и люблю за то, что вы чудесный человек».⁴⁸ В последнем рассуждении — о личности Беранже — по всей видимости, нашли отражение и размышления самой Новосильцевой, хорошо знакомой не только с творчеством поэта, но и с вышедшими после его смерти «Моей биографией» (в 1861 году в переводе В. Д. Костомарова она была издана также в Москве) и мемуарами С. Лапуэнта (Paris, 1860). Не случайно свою статью о Беранже, опубликованную годом спустя, Новосильцева начнет словами: «Нет имени, которое пользовалось бы во Франции такою популярностью, как имя Беранже. <...> Как поэт, он принадлежит Франции; как человек, он близок всякому, кто способен откликнуться на слова любви, свободы и братства».⁴⁹

Каков же был вердикт Фета о переводах из Беранже? Об этом отчасти позволяет судить письмо Новосильцевой от 23 сентября 1857 года, которое Энгельгардт, очевидно, приложила к своему ответу от 24 сентября и которое приведем полностью:

«23 сентября.

Так как переводы мои, Афанасий Афанасьевич, за мной право вас поблагодарить и поклониться вашему бесконечному терпению. Я воспользовалась с большой радостью вашими переправками, но вы понимаете, что, если б я имела дерзость подписать моим именем целые строфы, переведенные вами, мне кто-нибудь напомнил бы острогу французского водевиля:

„Mon cher ami, on a donné de grands éloges à ces jolis vers de ma composition que tu as écrit ce matin“.⁵⁰

Я позволила себе только усвоить себе два ваших стиха:

Когда глядя на небо голубое
Мечтал я вслух, а лес глухой чернел,

и успокаиваю свою совесть тем, что до получения еще вашего письма я была поражена глупостью *шумевшего* леса и заменила его именно *чернеющим* лесом, но все-таки эти два стиха ваши, а не мои. Что я могла, то переправила по вашему совету. Вот три куплета из „Жака“:

Жак, я прерву твой сон желанный,
Взимают подать... уж светло...
И сборщик обошел село,
Проснись же, друг мой бесталанный.

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Идут... уж сборщик у двора.

На хлеб насущный не хватает.
Хоть мяса съели б мы кусок!

⁴⁸ «...Я так давно привык к вашим дружеским письмам...» (34 письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету) / Публ. Н. П. Генераловой // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 185–186. См. также: ИРЛИ. № 20298, л. 32.

⁴⁹ Тальцова Т. [Новосильцева Е. В.]. Беранже и его переводчик // Отечественные записки. 1862. № 9. Отд. 3. С. 1. Далее ссылки на эту статью даются в тексте сокращенно, с указанием номера страницы. В Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ сохранился оттиск статьи с правкой Новосильцевой: РГБ. Ф. 743. Карт. 160. № 2.

⁵⁰ «Мой дорогой друг, больших похвал удостоились эти прелестные стихи моего сочинения, которые ты сегодня утром написал» (фр.).

Всё не по деньгам... труд не в прок,
И соль, — наш сахар, — дорожает.

Сулит ли Ангел в снах безумных
Тебе богатство и покой?
Налог, иным, не вред какой,
Что крыса лишняя в их гумнах.

Народом-дофином вы меня напугали, и я принялась его переделывать, но у меня все вертелось на уме ваш перевод, так что я не могла написать двух слов, и так как я не решаюсь рядиться в павлиньи перья, то предпочла оставить, как они были, мои хромые вирши.

До „Бродяги“ я еще не касалась. Примусь за него после. Уполномочьте меня, пожалуйста, присылать вам вперед мои переводы. Ваши поправки, замечанья и советы мне будут очень полезны, и я вам очень благодарна за них. Эти три песни мой первый опыт, и я брожу ощупью.

„Plus de vers“ было напечатано в песнях Беранже, вышедших в свет после его смерти. Они очень слабы, за исключением пяти-шести, между прочим „Adieu“, которое вы перевели.

Почему вы нашли противоречие в двух первых стихах?

Non, plus de vers, quelqu'amour qui m'anime,
La règle et l'art m'échappent à la fois.⁵¹

Он глубоко сочувствует искусству, но потерял уже способность выразить свою мысль в поэзии. Это явление, с которым мы встречаемся каждый день. Но, к сожалению, большая часть артистов не умеет остановиться вовремя: они слишком доверяют поэтическому чувству, которое их не покинуло, и не хотят сознаться, что выражение этого чувства уже слабо и вяло. Но Беранже был одарен большим тактом: он ничего не печатал в последние годы своей жизни и умер во всей славе. Его посмертный сборник был принят как замозильный голос, и на него нельзя смотреть как на произведение живого.

Протягиваю вам руку и прошу вас поцеловать за меня Марию Петровну, если она меня не забыла. Хорошо, если б вы собрались к нам зимой.

К. Новосильцова».⁵²

Подборка переводов Новосильцевой из Беранже так и не была опубликована.⁵³ Более того, не бралась она за переводы поэзии на русский и в дальнейшем. Возможно, на решение писательницы не продолжать переводческую деятельность повлияла оценка, прозвучавшая в письмах Фета. Из трех переведенных Новосильцевой стихотворений лишь два увидели свет при ее жизни. Одно из них — «Жак» — было включено ею в состав статьи «Беранже и его переводчик», первая часть которой содержит биографический очерк о поэте, вторая — подробный критический разбор переводов Курочкина, вышедших к тому времени уже четвертым изданием (СПб., 1862).⁵⁴

⁵¹ Пер.: «Довольно песен, чувства есть в душе, / Да мастерства и мочи не хватает» (фр.). Ср. в пер. Е. В. Новосильцевой: «Не петь уж мне, хоть не остыл душою, / Но дар святой в разладе с стариком».

⁵² ИРЛИ. № 20287. Л. 1–2.

⁵³ Не упомянуты они и в наиболее полной справочной статье С. М. Гучкова: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 355–356.

⁵⁴ Подробнее об этой статье см.: *Острейковская Н. В.* Творчество Е. В. Новосильцевой... С. 21–28. Сами переводы Новосильцевой из Беранже, однако, исследовательница обходит стороной.

Видя в Беранже подлинно народного поэта, в руках которого перо «сделалось таким же могучим оружием, как меч в руках полководца», Новосильцева (в первой, биографической части статьи) заключает: «Народ, повторяя его песни, высказывался в них и доходил до сознания своего положения. А между тем и высшие классы общества научились, благодаря Беранже, понимать массы и сочувствовать им» (с. 24). В качестве наиболее яркой иллюстрации она называет «песню Жака», приводя ее текст под строкой в «нашем посильном», как отмечено тут же, переводе. Сличение с французским оригиналом и текстом ранней редакции перевода, посланным Фету и сохранившимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, показывает, что в журнальной публикации опущены три строфы (2-я, 3-я и 4-я), еще три строфы (1-я, 6-я и 7-я по нумерации подлинника) даны в переработанном по замечаниям Фета виде, совпадающем с вариантом из письма Новосильцевой (с незначительными отличиями в пунктуации). Поскольку в полном виде стихотворение не публиковалось, приведем его целиком (курсивом выделены стихи, подвергшиеся правке):

Автограф⁵⁵

Жак

Жак, я должна твой сон тревожить,
Пора мой друг, уже светло,
Приказный обошел село,
И стража с ним... взымают подать.

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Приказный бродит у двора.

Взгляни, в окно лучи сияют,
Короток сон у бедняка,
Добро соседа-старика
Давно в казну уж забирают.

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Приказный бродит у двора.

Ни гроша!.. идут!.. ради Бога
Проси отсрочку... месяц что ль...
Лай близок!.. Ах когда бы король
Мог подождать хотя немного!

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Приказный бродит у двора.

Налог нас горьких сокрушает,
Старик, ребята, мы с тобой...
А взяться нечем: заступ твой,
Да пряжа разве выручает.

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Приказный бродит у двора.

Нам жизни стоили немало
Лачужка и клочок земли!
Удобрить слезы не могли
Где лихоимство пожидало.

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Приказный бродит у двора.

Публикация в «Отечественных записках»

Жак

Жак, я *прерву* твой сон *желанный*.
Взимают подать... уж светло,
И сборщик обошел село.
Проснись же, друг мой, бесталанный...

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Идут — уж сборщик у двора!

Нам жизни стоили немало
Лачужка и клочок земли.
Удобрить слезы не могли
Где лихоимство пожидало.

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Идут — уж сборщик у двора!

⁵⁵ ИРЛИ. № 20298₁. Л. 28–29.

Работай век, а пользы мало!
Хоть мяса съели б мы кусок!
Все не по деньгам! труд не впрок,
И соль, — наш сахар, — вздорожала.

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Приказный бродит у двора.

Вино тебя бы подкрепило,
Да не по силам, — все налог!
Уж не отдать ли мне в залог
Кольцо венчальное мой милый?..

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Приказный бродит у двора.

Сулит ли Ангел в снах безумных
Тебе довольство без труда?
Налог богатым не беда,
Что крыса лишняя в их гумнах!

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Приказный бродит у двора.

Вошел... Ах что с тобой? Мне страшно,
Молчишь и бледен... ты вчера
От боли припадал с утра,
А ты не охаеть напрасно.

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Приказный бродит у двора.

Она зовет, но он не встанет
Бедняк! в могиле твой покой!
Пусть добрая душа порой
Вдову бездомную помянет.

Мой бедный Жак, вставай, пора,
Приказный бродит у двора.

*На хлеб насущный не хватает,
Хоть мяса съели б мы кусок.
Все не по деньгам! труд не впрок,
И соль — наш сахар — дорожает.*

*Мой бедный Жак, вставай, пора,
Идут — уж сборщик у двора!*

*Вино тебя бы подкрепило,
Да не по силам — все налог!
Уж не отдать ли мне в залог
Кольцо венчальное, мой милый?..*

*Мой бедный Жак, вставай, пора,
Идут — уж сборщик у двора!*

*Сулит ли ангел в снах безумных
Тебе богатство и покой?..
Налог иным, не вред какой,
Что крыса лишняя в их гумнах!*

*Мой бедный Жак, вставай, пора,
Идут — уж сборщик у двора!*

*Вошел... ах, что с тобой?.. мне страшно,
Молчишь и бледен... ты вчера
От боли припадал с утра,
А ты не охаеть напрасно!*

*Мой бедный Жак, вставай, пора,
Идут — уж сборщик у двора!*

*Она зовет, но он не встанет...
Бедняк! в могиле твой покой!
Пусть добрая душа порой
Вдову бездомную помянет.*

*Мой бедный Жак, вставай, пора,
Идут — уж сборщик у двора!*

(с. 24–25)

Сложно сказать, по какой причине в «Отечественных записках» без каких-либо оговорок оказались изъятыми сразу три строфы. Возможно, они были признаны неудачными Фетом и потому исключены при публикации самой Новосильцевой. Не исключено, что изъятие следует отнести на счет цензуры. Обращает на себя внимание также заведомо неверная поправка, помещенная в следующем номере журнала и призванная скрыть авторство перевода: «В статье „Беранже и его переводчик“ («Отеч. Записки» № 9), на стр. 24, напечатан перевод „Песни Жака“, по ошибке редакции приписанный автору статьи, г-же Талычевой. Перевод этот принадлежит Т. Н.».⁵⁶ Вычеркнуты слова «в нашем посильном переводе» и в сохранившемся оттиске статьи с правкой Новосильцевой,⁵⁷ сам же текст стихотворения остался здесь без изменений.

⁵⁶ Отечественные записки. 1862. № 10. С. 416.

⁵⁷ РГБ. Ф. 743. Карт. 160. № 2. Л. 44 об. Помимо этого, в статье снят ряд эмоциональных высказываний, например: «А у нас есть умники литераторы, которые называют поэзию вздором!»; «Мы пошли гораздо дальше и отвергаем не форму, а сущность поэзии. Перед нами французы — младенцы»; «Чтоб сказать такую фразу, нужно, во-первых, не знать, что такое народный поэт, а во-вторых, не иметь понятия о том, насколько общество XIX века во Франции мало походит на русские нравы» (с. 26, 27, 38 по паг. «Отечественных записок» и др.).

Во второй части статьи, целиком отданной критическому разбору переводов Курочкина, которые названы «мистификацией» (с. 39), Новосильцева намеренно избегает давать собственный поэтический перевод, ограничиваясь исключительно дословным прозаическим. Неоднократно подчеркивая тезис о непереводаемости большей части песен Беранже и о невозможности «сохранить, при переводе на другой язык, дух и характер народного певца» (с. 38), она формулирует принципы, которыми должен руководствоваться переводчик: «Перевод вообще вещь трудная. Добросовестный переводчик, понимающий свою задачу, обуздывает собственную фантазию, и личность его не проглядывает в его труде. Он идет шаг за шагом за автором и, из уважения к таланту, с которым хочет ознакомить читателя, не позволяет себе ни малейшего изменения в тексте» (с. 39). Возможно, эти размышления навеяны не дошедшими до нас письмами Фета, чьи представления о сути перевода созвучны высказанным.⁵⁸

Подробно останавливается Новосильцева на выполненном Курочкиным переводе стихотворения «Le vieux vagabond», где Беранже «высказал все, что накопело у него на душе при виде страданий народа и несчастных жертв равнодушного общества». Начиная с неудачной передачи заглавия («Старый нищий» вместо более точного «Старый бродяга»),⁵⁹ весь перевод, по ее мнению, «походит на могилу, поглощающую и мысль, и поэзию Беранже» (с. 43). Однако, даже указывая на особо вопиющие строки у Курочкина, Новосильцева ни разу не прибегает к собственному переводу, используя только подстрочник, хотя, судя по приведенному выше письму к Фету, изначально она намеревалась приняться за его переделку. Тем не менее стихотворение так в печати и не появилось.

По-видимому, перевод «Старого бродяги» вызвал наибольшее количество нареканий со стороны строгого редактора — об этом свидетельствует и сохранившийся автограф, испещренный поправками Фета, которые внесены им карандашом и чернилами в каждую октаву, причем для некоторых стихов даны по два варианта. Приведем текст перевода, а также правку Фета:⁶⁰

Перевод Новосильцевой

Старый бродяга

Умру я здесь, в глуши оврага...
Лишь немощь знал я, да печаль!
Прохожий скажет: «пьян бродяга!»
Тем лучше: пьян, так и не жаль!
Кто взор с презреньем отвращает,
Кто бросит грош мне в добрый час,
Бегите! пир уж ваш сияет...
Старый бродяга умрет и без вас!

Да, здесь от старости умру я,
Коль нищетою я не убит,
Я думал: сырым кров даруя
Меня больница приютит.

Правка Фета

Старый бродяга

Умру я здесь, **на дне** оврага...

Бегите! пир *вас* ожидает...
Умрет бродяга старый и без вас!

Хоть даже голод пощадит,
Я думал: *хилым* кров даруя

⁵⁸ Ср., например, с высказыванием Фета в письме к Я. П. Полонскому от 23 января 1888 года: «В своих переводах я постоянно смотрю на себя как на ковер, по которому в новый язык въезжает триумфальная колесница оригинала, которого я улучшать — ни-ни» (Лит. наследство. Т. 103. Кн. 1. С. 626).

⁵⁹ В последнем прижизненном издании заглавие «Старый нищий» было Курочкиным заменено на «Старый бродяга» (Песни Беранже. Переводы Василия Курочкина. 6-е изд., испр. и значительно доп. Пб., 1874. С. 210).

⁶⁰ ИРЛИ. № 20298. Л. 23–24. Курсивом отмечена правка, сделанная карандашом, полужирным — чернилами.

Но места нет тебе, убогий,
 Несчастных много, всюду стон,
 Вскормлен я был среди дороги...
 Старый бродяга умрет где рожден.

Я мог бы воровать, бедняга,
 Да легче по миру ходить,
 Украдкой яблочко, бродяга
 Лишь рвал, чтоб голод усладить.
 А двадцать раз меня бросают
 В тюрьму, — закон гласит свое;
 Одно лишь было; — отымают!..
 Старый бродяга, да солнце мое!

Просил рабочих, ради Бога
 В ученье взять меня... «К чему,
 И так работы уж немного»,
 Сказали мне, — «надень суму».
 «Трудись» — богатые кричали...
 Но на соломе спал я их,
 Мне кости с их пиров бросали...

Проклятья бродяга не кличет на них.

Отчизна есть ли у безродных?
 Что в ваших славных мне судьбах,
 Что в ваших нивах плодородных,
 Что мне в ораторских речах?
 В столице, выданной руками,⁶¹
 Когда враг званный пировал,
 Глупец! я слезы лил ручьями...
 Он же бродяге на хлеб подавал.

Как тварей вредных, что меня вы
 Не раздавили под пятой?
 Иль не вскормили для труда вы,
 Для цели общей и святой?
 Укрытый от ненастной вьюги
 Стал червячок бы муравьем,
 Вы были б братья мне и други...
 Бродяга, — умру я вашим врагом.

*а. Народ так беден и стеснен /
 б. Народ несчастьем удручен*

Умрет бродяга старый где рожден.

Сорвал, чтоб голод усладить.

Я нищ и стар, а солнышко мое!

*«Трудись» — мне богачи кричали...
 Я на соломе вашей спал,
 а. Вы мне костей с пиров бросали... /
 б. С пиров вы мне костей бросали...
 Бродяга старый вас не проклинал.*

А он же бродяге старцу хлеб давал.

Бродяга *старый* умрет вашим врагом.

Под текстом перевода Новосильцевой Фет чернилами записал свой вариант перевода стихов 37–38, намекающих на вхождение русских войск в Париж, а также первых четырех стихов последней октавы (ст. 41–44):

Когда над падшими стенами
 Ваш враг надменный пировал

Что ж вы меня не раздавили
*а. Чтоб червь вам не был ко вреду
 б. Чтоб не был червь вам ко вреду*
 Нет! отчего не научили
 Меня полезному труду

Эти фрагменты вполне достойны того, чтобы быть включенными в Собрание сочинений поэта, наравне с другими стихотворными переводами,

⁶¹ В Париже выданном руками — *Вариант записан Новосильцевой под строкой.*

извлеченными, например, из перевода книги А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление».⁶²

Что касается третьего перевода Новосильцевой из Беранже («Plus de vers»), то он был опубликован ею за подписью «Т. Толычева» лишь в мартовской книжке журнала «Полярная звезда» за 1881 год (с. 108). Отсутствие автографа не позволяет судить, была ли учтена еще какая-либо правка Фета, помимо стихов 5–6, за которые она благодарила поэта в письме.

Не петь уж мне!..
(Из Беранже)

Не петь уж мне, хоть не остыл душою,
Но дар святой в разладе с стариком,
По пальцам стих размеренный порою
Стройней ростом под школьничьим пером.
Когда, глядя на небо голубое,
Я вслух мечтал, а лес глухой чернел,
Мне прозой эхо вторило лесное,
Не хочет Бог, чтобы я больше пел.

Не хочет Бог! Но ищет зорким оком
Поселянин осеннею порой
В пустых садах, на дереве высоком
Забывший им при сборе плод златой;
Ищу и я, но дерево бессильно,
Под хладом зим уж корень омертвел,
В корзину плод не падает обильно...
Не хочет Бог, чтобы я больше пел.

Не хочет Бог! но слышу благосклонный
К народу глас Он обращает свой:
«Возвысь чело! права твои законны,
И ты венца наследник предо мной!»
Он рек, — я внял. И чуя в сердце радость,
Тогда тебе вещать уж я хотел,
Народ-Дофин, всю милосердья сладость...
Не хочет Бог, чтобы я больше пел.

⁶² См.: *Фет А. А. Соч. и письма*. Т. 5. Кн. 2. С. 98–100.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-44-49

© И. А. КУЗЬМИНА

О ДАТИРОВКЕ ФОТОПОРТРЕТА А. А. ФЕТА РАБОТЫ М. Б. ТУЛИНОВА

Иконография Фета — тема малоисследованная, что в полной мере касается и фотографических изображений поэта. Одна из проблем заключается в том, что за неимением необходимой информации фотографии датируются весьма приблизительно, иногда и вовсе условно, без всякой связи с конкретными биографическими фактами. Фотографический портрет Фета визитного